

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ТЕМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII—XIX вв.

Лидия Евгеньевна ФЕТИСОВА,
кандидат филологических наук

Выход землепроходцев на тихоокеанское побережье привел к изменению восточных границ России. Западный российский читатель получал эту информацию из письменных источников (отчетов, хроник, воспоминаний, эпистолярного наследия). В таких документах наряду с характеристикой маршрута и путевых впечатлений немало места отводилось эмоциональному описанию испытаний, выпавших на долю исследователей. Неудивительно, что многие из этих текстов воспринимались как занимательные образцы искусства слова.

К числу первых произведений, посвященных освоению Приамурья, относятся записки ревнителя старой веры протопопа Аввакума, вошедшие в написанное им Житие: «Еще скажу тебе, старец, повесть, как я был в Даурах с Пашковым с Афонасьем...»¹ Примечательно, что неистовый протопоп оказался в числе немногих авторов, которых не занимала сложная геополитическая ситуация на восточной окраине страны. В соответствии с законами жанра он детально описывал все случаи, которые можно считать проявлением Божественной благодати, идет ли речь об исцелении одержимых бесом или о чудесах, которые Господь являл страстотерпцу, например, наполняя его сети уловом в совершенно безрыбном месте. Дальневосточные страницы главным образом повествуют о конфликте с воеводой Пашковым, которому он с семьей отдан был «на мучение»: «А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня»². Заметим, однако, что первоначально Аввакума предполагалось использовать в качестве священника колонизационной экспедиции³, но этому препятствовала его религиозная нетерпимость. Возможно, не случайно уже в Пустозерском остроге, вспоминая те годы, в одной из редакций своего Жития автор скажет: «...Он меня мучил или я его, не знаю...»

В большинстве литературных памятников, посвященных освоению земель к востоку от Урала, находим установку, которую применительно к русской средневековой философии известный ученый И.П. Еремин определил как «провиденциализм»⁴, т.е. убежденность в том, что распространение православного влияния на близлежащие территории является осуществлением «божественного промысла». Вместе с тем сибирский филолог Е.К. Ромодановская справедливо замечает, что позднее утверждению провиденциализма сопутствовала необходимость «...доказывать правоту Русского государства на обладание Сибирью»⁵. Такой подход преобладает и в произведениях, связанных с освоением дальневосточных территорий.

В последней четверти XVII в. в России стало распространяться во многих списках «Сказание о великой реке Амуре». Вскоре оно получило известность и за границей. В частности, переведенное на голландский Н.К. Витсенем Сказание издавалось в 1692, 1705, 1785 гг. Исследователи полагают, что автором текста был Н.Г. Спафарий (Николае Милеску), возглавлявший русское посольство в Пекине (1675—1678). Б.П. Полевой привел дополнительные аргументы в пользу этой точки зрения. Так, он обратил внимание, что описание Амуре аналогично стилю и характеру описания Спафарием других сибирских рек. Это дало основание заключить, что сочинение первоначально возникло как расширенная, литературно обработанная роспись уточненного маршрутного чертежа этой реки⁶. Сравнение различных списков показало наличие в них сведений, полученных от участников различных походов на Амур — экспедиций В.Д. Пояркова (1643—1645), И.Ю. Москвитина (1665—1666) и др., особенно В.Д. Пояркова и его спутников. (Напомним, что использование чужих текстов, в том числе рассказов очевидцев, без ссылки на источник — обычная практика создания новых произведений не только в XVII, но и в XVIII в.).

Б.П. Полевой не преминул отметить несомненные литературные достоинства Сказания, особо выделив список из архивного фонда академика В.Н. Перетца. Кроме этого, исследователь поставил вопрос о соавторах Спафария. Известно, что посол усиленно изучал русский язык, но вряд ли овладел им в совершенстве. Известно и другое: специально для ведения письменных дел к посольству были приставлены подьячие И. Фаворов и Н. Венюков, отсюда дань «местным речениям». Несомненно, колорит народной речи сообщали тексту и рассказы «бывалых» людей. По-видимому, со слов очевидцев был записан рассказ о «водяном бое» в устье Сунгари (1658), в результате которого погибла основная часть отряда Онуфрия Степанова. Долгое время этот сюжет не находил документального обоснования, но затем в фонде Сибирского приказа ЦГАДА был обнаружен документ, подтверждающий достоверность приводимых фактов⁷. С учетом художественных достоинств языка Сказания его можно расценивать не только как оригинальное географическое и историческое сочинение, но также как интересный литературный памятник XVII в.

На наш взгляд, существующая в отечественном литературоведении недооценка значимости дальневосточных сюжетов в круге чтения образованного российского общества обусловлена магией понятия «профессиональный писатель». Так, по словам В.Г. Пузырева, «первым произведением, которое художественно «открывало» Дальний Восток», стала книга И.А. Гончарова «Фрегат «Паллада»⁸. Между тем, как справедливо заметил профессор ДВГУ С.Ф. Крившенко, к моменту путешествия И.А. Гончарова дальневосточная тематика уже заняла прочные позиции в русской маринистике⁹, героический пафос которой был обусловлен осознанием общенациональной значимости решаемых задач. Многие мореплаватели XVIII—XIX вв. оставили путевые заметки, очерки, дневники, обладающие несомненными литературными достоинствами. Не случайно эти публикации сразу привлекли внимание читательской аудитории. Однако приверженность их авторов фактам долгое время мешала критике оценить такие записки не только как вклад в науку, но и как образцы искусства слова определенной эпохи. В то же время для современного читателя с широкими возможностями получения информации из других источников гораздо важнее культурная значимость этих памятников русской словесности.

В последние годы в литературоведческих работах все чаще встречается мысль о литературно-художественном характере таких, казалось бы, документальных жанров, как дневник и воспоминания. Правда, принято считать, что эта особенность присуща главным образом мемуаристике XX в.¹⁰ Думается, однако, что тенденция к беллетризации автобиографической прозы наметилась значительно раньше. Например, Е.К. Ромодановская выделяла элементы художественного стиля даже в официальных документах и ранних образцах научной литературы¹¹. В наши дни признанием художественных достоинств воспоминаний, написанных участниками первых русских кругосветок, можно считать включение их имен в энциклопедический словарь «Русские писатели. 1800—1917». В этом незавершенном пока издании находим статьи, посвященные Ф.П. Врангелю, В.М. Головнину, Ю.Ф. Лисянскому, Ф.П. Литке и другим известным мореплавателям.

Дальневосточная ветвь русской документально-художественной маринистики открывается описанием странствий 1783—1787 гг. по Восточному океану купца Григория Шелихова (Шелехова), инициатора основания Российско-Американской компании (РАК). Книга вышла в 1791 г. Издание открывалось рисунком, на котором был изображен Г.И. Шелихов, выменивавший у аборигенов Алеутских островов шкуры морских зверей. Внизу приводилась строфа из поэмы М.В. Ломоносова «Петр Первый»:

Колумбы Россие, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на Восток,
И наша достигнет в Америку держава,
И что во все концы достигнет россов слава¹².

*Колумбы Россие презрев угрюмый рок
Меж льдами новый путь отворят на Восток
И наша достигнет в Америку держава
И что во все концы достигнет россов слава*

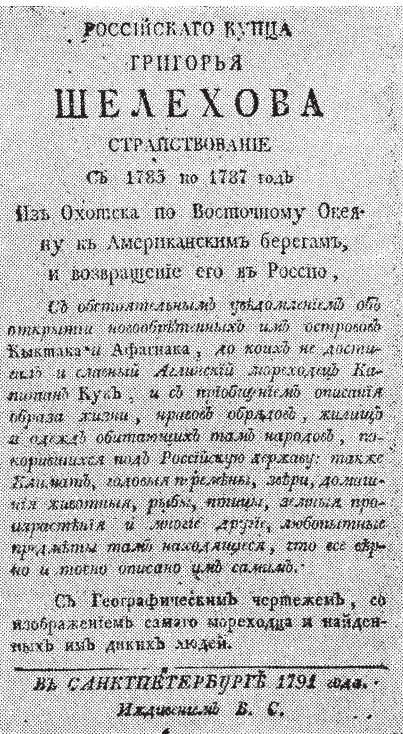

Рисунок и титул первого издания книги Г.И. Шелехова.

Книга сразу заинтересовала читающую публику. В первую очередь привлекали внимание природа и обитатели далеких земель, как и предвидел автор: «Теперь долженствую описать землю американских островов, людей, оную населяющих, нравы их, обряды, одежды и сказать о зверях и птицах, там находящихся». На всем лежит колорит личности Г.И. Шелихова, которому приходилось преодолевать невероятные лишения: «...Во многих пустых местах претерпевал крайнюю и несносную трудность, от коей многократно с угрозением мучительного страха подвержена была жизнь моя совершенной опасности»¹³. Вместе с тем заметно стремление автора обойти острые вопросы приведения к подчинению «тамошних диких жителей», объясняя свою политику в отношении аборигенов «усердием к пользам отечества». По этому поводу Г.И. Шелихову неоднократно приходилось отвечать на запросы официальных властей, которым поступали жалобы с мест. Похоже, что его объяснения удовлетворили не всех. Например, известный мореход А. Лазарев, посетивший владения РАК в 1819 г., прямо писал об «усмирении» купцом Шелиховым жителей о-ва Кадьяк¹⁴. Тем не менее можно определенно утверждать, что в записках Г.И. Шелихова ясно обозначилось публицистическое начало, связанное с высокой оценкой своей исторической миссии. Неудивительно, что в большинстве случаев это имя упоминалось с уважением. Известно, что книга Г.И. Шелихова имела в библиотеке А.С. Пушкина. Г.Р. Державин посвятил ему поэтические строки, которые затем были выбиты на памятнике отважному соотечественнику:

Колумб здесь Русский погребен,
Преплыл моря, открыл страны безвестны...

На другой стороне надгробия выгравированы стихи поэта И. Дмитриева, завершающиеся словами:

Прохожий, чти в сем гробе тлен —
Колумб здесь Русский погребен¹⁵.

Примечательно, что дело первопроходца было поддержано и продолжено его близкими. В частности, процветание Российско-Американской компании в конце XVIII — начале XIX в. связывают с деятельностью Н.П. Резанова, женатого на дочери Г.И. Шелихова. В наши дни его имя вызывает в памяти трогательную историю любви русского камергера (к этому времени он уже овдовел) и юной Кончиты де Аргуэльо, дочери коменданта форта Сан-Франциско. Однако современники Н.П. Резанова чаще обсуждали его неудачу со специальной миссией в Японии, когда не удалось добиться ни заключения мирного договора, ни установления торговых отношений со Страной восходящего солнца. Информация об этих событиях была почерпнута из «путешественных записок» И.Ф. Крузенштерна (1809; 1812)¹⁶, в которых запечатлено первое русское кругосветное плавание 1803—1806 гг. на кораблях «Надежда» и «Нева». Первым кораблем командовал И.Ф. Крузенштерн, вторым — Ю.Ф. Лисянский, который также оставил воспоминания об этой экспедиции. Большую часть пути корабли шли врозь, каждый своим маршрутом, таким образом, книга Лисянского, вышедшая позже, служит дополнением, а нередко и подтверждением записок Крузенштерна. При этом каждому из авторов присущ свой стиль, не лишенный художественности, что было отмечено как читателями, так и исследователями¹⁷.

В 1810, 1812 гг. вышли в свет книги о двукратном путешествии в Русскую Америку Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова, «написанные сим последним». В 1806 г. Хвостов командовал судном «Юнона», а Давыдов — тендером «Авось». В отличие от И.Ф. Крузенштерна эти сподвижники Н.П. Резанова, сыгравшего

неоднозначную роль в их жизни, искренне им восхищались. В конечном счете именно выполнение предписаний камергера в отношении японского населения одного из Курильских островов привело мореходов к заключению под стражу. Им с трудом удалось уйти от ответственности (Н.П. Резанова уже не было в живых). Далее — участие в русско-шведской войне 1808—1809 гг., а затем — трагическая гибель обоих. По замечанию С.Ф. Крившенко, «...эхо необыкновенных путешествий и драматической судьбы Хвостова и Давыдова давно отозвалось в русской литературе»¹⁸. Одним из первых почтил их память Г.Р. Державин.

О литературном даровании Г.И. Давыдова убедительно свидетельствуют его публикации: путевой дневник путешествия из Петербурга через Сибирь в Охотск и описание быта жителей острова Кадьяк. По мнению С.Ф. Крившенко, Н.А. Хвостов был не менее талантлив. К такому заключению исследователь пришел, проанализировав сохранившиеся фрагменты дневника и письма мореплавателя, заботливо собранные в XIX в. А. Соколовым¹⁹.

Несомненными художественными достоинствами обладали дневниковые записи и путевые заметки большинства мореплавателей. Нередко авторы не скрывали, что рассчитывают на внимание не только специалистов, но широко круга читателей. С этой целью в текст включались занимательные пейзажные и этнографические зарисовки, а также пространные лирические отступления. В свете изложенного представляют интерес высказывания Г.А. Сарычева, готовившего к публикации дневники руководителя экспедиции капитана Биллингса. Его журналы «...заклучали в себе по большей части путевые описания и единообразные повседневные простые происшествия без примечаний относительно нравов, обыкновений и образа жизни обитающих там народов... Я присовокупил к тому описания чукотских жилищ, езды чукчей на оленях и их упряжки»²⁰. Только завершив эту работу, Г.А. Сарычев счел возможным предложить материалы Биллингса издателям.

Многие моряки были знакомы между собой. Например, будущий адмирал Ф.П. Литке свое первое кругосветное путешествие совершил мичманом на шлюпе «Камчатка» под командованием В.М. Головнина, который к тому времени считался одним из популярных писателей. Его воспоминания о пребывании в плену у японцев (1811—1813), впервые опубликованные в журнале «Сын Отечества», сразу были отмечены критикой. Книга входила в круг чтения декабристов. Достоинства авторского слога высоко оценил А.А. Бестужев²¹.

На шлюпе «Камчатка» Ф.П. Литке познакомился с Ф.Ф. Матюшкиным и Ф.П. Врангелем, с последним всю жизнь сохранял дружеские отношения. Литературную славу Ф.П. Литке принесло описание плавания в Ледовитом океане (1821—1824) на военном бриге «Новая Земля». Писательская известность укрепилась после публикации новой книги, посвященной путешествию вокруг света на шлюпе «Сенявин» в 1826—1829 гг. По мнению критиков, вторая книга была слабее предыдущей, но благосклонное внимание читателей привлекли очерки о чукчах и населении Русской Америки²².

Ф.П. Врангель также входил в число популярных авторов. Его записки о путешествии по северным берегам Сибири и Ледовитому морю в 1821—1824 гг. удалось опубликовать лишь в 1841 г., но книга сразу получила признание. Издатели отмечали, что книга написана хорошим русским языком, «...полна чувства поэзии и любви к природе Арктики»²³. И.А. Гончаров писал: «Имя этого писателя и путешественника живо сохранилось в памяти сибиряков, а книгу его непременно найдете в Сибири у всех образованных людей»²⁴.

Как видим, к тому времени, когда И.А. Гончаров отправился на Восток в качестве секретаря адмирала Путятина, русская документально-художествен-

ная маринистика уже имела свои традиции, связанные с определенным кругом известных имен. Участники первых кругосветок разработали подход к описанию путешествий, который можно назвать пространственно-хронологическим. Событийный ряд соотносился с путем следования и содержал такие обязательные эпизоды, как географические характеристики маршрута, этнографические зарисовки, поведение членов экспедиции. Обязательным стало описание быта аборигенов на территории, недавно вошедшей в состав России, а также населения сопредельных азиатских стран — Японии, Китая, Кореи. Таким образом, хотя И.А. Гончаров полагал, что он первым приподнял «бамбуковый занавес», отделявший Японию от остального мира, сведения об этой стране можно найти и в более ранних записках, в частности И.Ф. Крузенштерна или В.М. Головнина. Тем не менее надо признать, что талант этого писателя действительно обогатил жанр путешествий.

Жанр морских путешествий после И.А. Гончарова продолжили многие писатели, но особенно заметное влияние «Фрегат «Паллада» оказал на творчество А. Вышеславцева, совершившего кругосветное плавание в 1857—1860-х гг. Это влияние ощущается прежде всего в общей стилистике, лишенной патетиков, нарочито приземленной. Непривычный пейзаж вызывает у обоих авторов одни и те же чувства. «Ничего нет ужасного в этих диких пейзажах, но печального много. По дороге идет густой лиственный лес: едешь по узенькой, усеянной пнями тропинке. Потом лес раздвигается, и глазам является обширное забросанное камнями болото... Нигде ни признака жилья, ни встречи с кем-нибудь» (И.А. Гончаров²⁵). «Нас ждала дикая, почти неизвестная страна, может быть, очень любопытная, но негостеприимная и, для нас, холодная... стволы деревьев чернели на белых снеговых глыбах, разбросанных по расселинам и вершинам; местами зеленел ельник, кедровник, но эта зелень более мертвила, нежели оживляла суровую природу» (А. Вышеславцев²⁶).

Продолжателем гончаровских традиций стал и А.Я. Максимов, который по окончании Морского кадетского корпуса совершил кругосветное путешествие из Кронштадта во Владивосток на корвете «Аскольд». Очерки об этом плавании были напечатаны сначала в журнале «Всемирный путешественник», а затем вышли отдельной книгой (1876). В дальнейшем с Дальним Востоком было связано не только его творчество, но и судьба. С 1874 по 1879 г. А.Я. Максимов прослужил в Сибирской флотилии. За это время он написал ряд рассказов о жизни дальневосточников («Скиталец», «Поп Симеон», «Китобой», «Тюлений остров» и др.), которые печатались в таких популярных журналах, как «Нива», «Кругозор». Позднее рассказы вышли отдельной книгой под названием «На далеком Востоке». В 1879 г. А.Я. Максимов был переведен в Кронштадт, где прослужил 15 лет, а в 1894 г. он во второй раз прибыл во Владивосток и служил здесь в должности командира порта до дня своей кончины. После смерти все написанное было собрано в двухтомник, вышедший в частном издании его вдовы М.К. Максимовой. Опубликованные произведения делятся на несколько групп: этнографические очерки; рассказы из жизни моряков, топографов, охотников; рассказы с социальной направленностью; чисто беллетристические повести и романы. К сожалению, последние не представляют художественной ценности. Рецензенты довольно единодушно утверждали, что наибольшей авторской удачей следует считать его этнографические зарисовки и бытовые очерки. Писатель и сам чувствовал, что главное достоинство его произведений заключается в новизне материала. Он стремился познакомить своих читателей с природой Уссурийского края, с нравами и обычаями инородческого населения, с трудностями, ожидавшими русских промышленников, с малоизвестным бытом каторжных...²⁷

Таким образом, А.Я. Максимов достаточно точно и объективно определил тематически значимые направления своего творчества. Примечательно, что данная проблематика остается базовой и для современной дальневосточной литературы. Если оттолкнуться от тезиса А.М. Панченко, что в канун петровских реформ история заняла прочное место в системе культурных ценностей²⁸, то, думается, можно утверждать, что писатели-маринисты эпохи русских географических открытий включили в эту систему этнографию народов мира.

¹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979. С. 76.

² Там же. С. 31.

³ Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987. С. 173.

⁴ Еремин И.П. Литература Древней Руси. М., 1966. С. 42—97.

⁵ Ромодановская Е.К. Сибирь и литература. XVII век: избр. труды. Новосибирск, 2002. С. 102.

⁶ Полевой Б.П. Новое о происхождении «Сказания о великой реке Амуре» // Рукописное наследие Древней Руси: по материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 273—274.

⁷ Там же. С. 275—278.

⁸ Пузырев В.Г. Дальневосточная тема в русской литературе конца XIX — начала XX века // Материалы межвуз. науч. конф. Хабаровск, 1968. С. 4.

⁹ Крившенко С. Плавать по морю необходимо: Русские мореплаватели в жизни и литературе: док.-ист. очерки. Владивосток, 2001.

¹⁰ Гаранин Л.Я. Мемуарный жанр советской литературы. Минск, 1986; Гинзбург Л. О психологической прозе. М., 1999.

¹¹ Ромодановская Е.К. Сибирь и литература. С. 337—345.

¹² Шелихов Г.И. Российского купца Григория Шелихова странствия из Охотска по Восточному океану к Американским берегам. [Хабаровск], 1971. С. 6.

¹³ Там же. С. 54—55.

¹⁴ [Лазарев А.]. Плавание брига «Новая Земля» под началом флота лейтенанта А. Лазарева в 1819 году. СПб., 1820. С. 154.

¹⁵ Петров В. Русские в истории Америки. М., 1991. С. 69.

¹⁶ В. Петров в конфликте Крузенштерна — Резанова однозначно принимает сторону последнего, полагая, что Н.П. Резанов незаслуженно забыт, а командир «Надежды» не заслужил своей славы: Петров В. Русские в истории Америки. С. 76—80.

¹⁷ Крившенко С. Плавать по морю необходимо. С. 61—70.

¹⁸ Там же. С. 23.

¹⁹ Там же. С. 54—58.

²⁰ Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога и плавание капитана Галла на судне «Черном Орле» по Северо-Восточному океану в 1791 году. СПб., 1811. С. II—III.

²¹ Литературно-критические работы декабристов. М., 1978. С. 176.

²² Русские писатели. 1800—1917: биограф. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 371.

²³ Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф.П. Врангеля. М., 1948. Ч. 1. С. 5.

²⁴ Гончаров И.А. Фрегат «Паллада»: очерки путешествия в двух томах. Л., 1986. С. 539.

²⁵ Там же. С. 498.

²⁶ Вышеславцев А. Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах. С 27-ю рисунками. СПб., 1862. С. 243—244.

²⁷ Крившенко С.Ф. Дальневосточная тема в русской литературе конца XIX века. (Творчество А.Я. Максимова) // История культуры Дальнего Востока СССР XVII—XX вв.: Дооктябрьский период. Владивосток, 1989. С. 105—121.

²⁸ Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 72.

SUMMARY. The author of the article “The Far Eastern theme in the Russian literature of the 17th-19th cc.”, Candidate of Philological Sciences Lydia Fetisova tells about literature monuments dedicated to development of the territories east to the Ural. The Far Eastern branch of the Russian documentary art marine literature is opened by description of the trip by merchant Grigorii Shelikhov. Then chronologically come books by G. Davydov, recollections of F. Litke, F. Wrangell, I. Goncharov, A. Maksimov and others.